

РОБЕРТ

Robert

ДАРНТОН

Darnton

ЦЕНЗОРЫ

Censors

ЗА РАБОТОЙ

at Work

Интеллектуальная история

Роберт Дарнтон

**Цензоры за работой. Как
государство формирует литературу**

«НЛО»

2014

Дарнтон Р.

Цензоры за работой. Как государство формирует литературу /
Р. Дарнтон — «НЛО», 2014 — (Интеллектуальная история)

ISBN 978-5-44-481691-2

Книга профессора Гарвардского университета Роберта Дарнтон «Цензоры за работой» — это увлекательное исследование того, как в разных обстоятельствах и в разные времена работает цензура. В центре внимания автора три далеких друг от друга сюжета — роялистская Франция XVIII века, колониальная Индия XIX века и Восточная Германия на рубеже 1980–1990-х годов. Автор на многочисленных примерах прослеживает, как именно работала цензура, что сами цензоры думали о своей работе и каким образом они взаимодействовали с книжным рынком, в том числе и «черным». В книге можно найти колоритные портреты многих представителей «теневого» книжного мира — от полуграмотных завсегдатаев парижских книжных рынков до владеющих десятками языков бенгальских библиотекарей. Роберт Дарнтон показывает, какой вклад цензура вносила не только в культурную, но и в экономическую и политическую жизнь общества. Цензура предполагала слаженную работу многих людей, сплетения судеб и интересов которых могут напоминать увлекательный детективный роман.

ISBN 978-5-44-481691-2

© Дарнтон Р., 2014

© НЛО, 2014

Содержание

Вступление	5
Часть I	11
Книгопечатание и закон	12
С точки зрения цензора	17
Повседневная работа	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Дарнтон

Цензоры за работой. Как государство формирует литературу

Вступление

Где в киберпространстве север?¹ В неизведанных просторах за пределами галактики Гутенберга мы вынуждены обходиться без компаса, и дело не только в картах или технологиях. На заре интернета киберпространство казалось открытым и свободным. Теперь в нем чертят границы, ведут бои и возводят стены². Люди, жаждущие свободы, надеялись, что электронные коммуникации обойдутся без ограничений, но эти ожидания были наивны. Кто добровольно откажется от пароля к своей электронной почте или отключит фильтр, защищающий детей от порнографии, или оставит свою страну беззащитной перед кибератаками? Но Великая китайская стена сетевой защиты и неограниченная слежка со стороны Агентства национальной безопасности доказывают, что власти ставят свои интересы выше интересов простых людей. Дали ли новые технологии новые инструменты, которые помогут воле государства перевесить права его граждан? Возможно. Но не стоит думать, что такого никогда не бывало в прошлом. Чтобы до некоторой степени понять текущую ситуацию, мы должны изучить все попытки государства контролировать средства коммуникации. Эта книга призвана показать, как выглядели такие попытки, причем в конкретные периоды и в конкретных местах, так что их можно исследовать во всех подробностях. Это история скрытого, ведь такое «расследование» приводит в закрытые кабинеты и к секретным заданиям, исполняя которые, государственные служащие надзирали за словом, допуская или не допуская книги в печать или запрещая их уже после публикации.

История книгопечатания и попыток его контролировать не откроет методов, которые можно напрямую применить к процедурам контроля над цифровыми коммуникациями. Ее важно изучить по другой причине.

Показывая с изнанки работу цензоров, такая история дает понять, как мыслят создатели подобных стратегий, как государство оценивает угрозу своей монополии на власть и как пытается бороться с этими угрозами. Сила печатного слова может представлять не меньшую опасность, чем кибератака. Как ее определяли государственные служащие и какими соображениями руководствовались в своих действиях? Ни один историк не может влезть в голову мертвому человеку, да и живому, раз уж на то пошло, хотя последний может дать интервью для исследования по современной истории. Но с помощью документов возможно определить общий характер мышления и поведения цензоров. Архивы редко предоставляют нужную информацию на эту тему, ведь цензура работает тайно, а тайны, как правило, остаются нераскрытыми или утерянными. Однако, собрав необходимое количество свидетельств, можно догадаться о неявных предпосылках и подспудном вмешательстве чиновников, отвечавших за контроль над печатью. И тогда уже можешь почерпнуть гораздо больше сведений. Появляется возможность понаблюдать за работой цензоров, проверяющих текст строчка за строчкой, или проследить за полицейскими мерами против запрещенных книг, за тем, как упрочиваются границы между законным и незаконным. Эти границы необходимо обозначать, ведь они были

¹ Отсылка к знаменитой поэме английского поэта Александра Поупа (1688–1744) «Опыт о человеке», означающая: «север, т. е. место севернее данного, есть всюду (но не здесь)». – *Прим. ред.*

² *John Palfrey*, Four Phases of Internet Regulation // *Social Research* 77 (Fall 2010): 981–96. Пример взгляда на киберпространство как пространство свободы: *John Perry Barlow*, A Declaration of the Independence of Cyberspace (доступно онлайн на barlow@eff.org).

зачастую нечеткими и нередко менялись. Где проходит черта между Кришной, заигрывающим с доярками, и недопустимым эротизмом в бенгальских книгах или между соцреализмом и «позднебуржуазной» литературой в коммунистической Восточной Германии? Подобные концептуальные разграничения интересны сами по себе и важны ввиду их влияния на практические действия. Запрещение книг – различные меры, попадающие в категорию цензуры после публикации, – показывает, как государство боролось с литературой на улицах. Эта борьба позволяет историку заглянуть в жизнь отчаянных людей, сомнительных личностей, действовавших вне рамок закона.

На этом этапе исследование дает ощутить радость настоящей охоты, ведь полиция – или ее аналог, в зависимости от характера правления, – имеет дело с человеческими типами, редко попадающими в книги по истории. Бродячие музыканты, изворотливые торговцы-разносчики, мятежные проповедники, купцы-авантюристы, писатели всякого рода, знаменитые и неизвестные, включая поддельного свами и наживающуюся на скандалах горничную, даже сами полицейские, иногда переходившие на сторону своих жертв, – все они встречаются на страницах этой книги рядом со всевозможными цензорами. Мне кажется, такие детали человеческой жизни сами по себе заслуживают внимания, но, пересказывая истории настолько точно, насколько возможно, без искажений и преувеличений, я хочу достичь большего – создать историю цензуры нового типа, который был бы одновременно сравнительным и этнографическим.

За исключением выдающихся мастеров вроде Марка Блока, историки призывают к сравнительным исследованиям куда чаще, чем проводят их³. Это трудоемкий жанр не только потому, что для него нужно свободно владеть материалом из разных изучаемых областей на разных языках, но и потому, что он перенимает у сравнения все его недостатки. Яблоки с апельсинами еще можно не перепутать, но как изучать два учреждения, которые выглядят одинаково или носят одно название, но действуют по-разному? Человек, которого называют цензором в одной системе, может действовать согласно таким правилам игры, которые будут совершенно недопустимы для цензора в другой. Да и сами игры будут разными. Даже представление о литературе в некоторых культурах обладает гораздо большей значимостью, чем в других. В советской России, как сказал Александр Солженицын, литература была столь могущественна, что «могла ускорить историю»⁴. А для большинства американцев она значит меньше, чем профессиональный спорт. Но и их отношение сильно изменялось с течением времени. Литература занимала важнейшее место в их жизни три сотни лет назад, когда Библия (особенно женевские издания, по большей части восходящие к полному силе переводу Уильяма Тиндейла) куда более непосредственно воздействовала на бытие людей. На самом деле, говорить о литературе у пуритан – некоторый анахронизм, так как этот термин отсутствовал в повседневной речи до XVIII века. Корректнее было бы сказать «религия» или «священное», что верно и для многих других древних культур, например для Индии, где исторические источники нельзя безошибочно отделить от мифологии. Но вместо того, чтобы сосредотачиваться на терминах, я надеюсь понять язык в целом – уловить общий тон культурной системы, ее неоговариваемые оценочные установки и имплицитные ценности через действия, к которым они приводят. Сравнительный анализ, на мой взгляд, лучше всего работает на системном уровне. Поэтому я решил воссоздать облик цензуры при трех авторитарных режимах: монархии Бурбонов во Франции XVIII века, Британской Индии XIX века и коммунистической диктатуре в XX веке в Восточной Германии. Каждый из них заслуживает отдельного изучения в этом плане. И если сопоставить и подвергнуть сравнительному анализу их данные, можно пересмотреть историю цензуры в целом.

³ См.: *Marc Bloch, Pour une histoire comparée des sociétés européennes // Marc Bloch, Mélanges historiques*, vol. 1 (Paris, 1963), 16–40.

⁴ *Aleksandr Solzhenitsyn, The Oak and the Calf: Sketches of Literary Life in the Soviet Union* (New York, 1980), 33.

Может показаться, что нужно начать с вопроса: что такое цензура? Когда я попросил своих студентов привести мне примеры, там были такие ответы (кроме очевидных упоминаний репрессий при Гитлере и Сталине).

- Оценки.
- То, что к профессору нужно обращаться «профессор».
- Политкорректность.
- Отзыв на научную работу.
- Любой отзыв.
- Редактура и публикация.
- Запрет на автоматическое оружие.
- Присяга или отказ от присяги флагу.
- Получение или выдача прав на вождение автомобиля.
- Надзор со стороны Агентства национальной безопасности.
- Система оценки фильмов Американской ассоциацией кинокомпаний.
- Закон о защите детей в интернете.
- Камеры, фиксирующие скорость.
- Необходимость соблюдать скоростной режим.
- Засекречивание документов для защиты национальной безопасности.
- Засекречивание чего-либо.
- Подсчет рейтингов в поисковых системах.
- Использование «она» вместо «он», являющегося нейтральным местоимением.
- Ношение или не ношение галстука.
- Вежливость.
- Молчание.

Этот список можно продолжать бесконечно, включая в него законные и незаконные санкции, психологический и технологический отсев и любое поведение со стороны государственной власти, частных компаний, групп ровесников и отдельных лиц, посягающее на внутреннюю жизнь человека. Оставив в стороне вопрос о том, правомерны ли приведенные примеры, можно увидеть, что широкое понимание цензуры может включать в себя почти все, что угодно. Может показаться, что цензура неизбежно существует повсюду, но повсюду значит нигде. Всеохватывающее понятие стерло бы все различия и, таким образом, потеряло бы смысл. Включать в цензуру запреты любого рода – значит превратить понятие цензуры в пустое клише.

Вместо того чтобы начать с определения, а потом искать примеры, его подтверждающие, я начал с показаний самих цензоров. У них нельзя взять интервью (цензоры из Восточной Германии из третьей части книги являются редким исключением), но можно услышать их голоса в архивных документах и задать им вопросы, проверяя и исправляя трактовку от одного документа к другому. Нескольких отдельных рукописей мало. Нужны тысячи, и поиск должен быть очень глубоким, чтобы показать, как цензоры справлялись с повседневными задачами. Тогда наиболее уместным становится вопрос: как они работали и как осмыслили свою работу? Если мы располагаем свидетельствами в достаточном количестве, можно выявить особенности поведения цензоров и в смежной среде – от отсеивания рукописей редакторами до изъятия книг полицией. Роли могут меняться в зависимости от организаций, распределение обязанностей между которыми будет зависеть от социально-политического строя. Но было бы ошибкой ожидать, что все публикации проходят один и тот же путь и что, если они оскорбляют власть, всегда следует одна и та же реакция. Здесь нет общих моделей.

Зато в изучении цензуры за последние сто лет сложились общие подходы⁵. Рискую все излишне упростить, я назову два: во-первых, история борьбы за свободу высказывания против

⁵ Обзор литературы: *Censorship: A World Encyclopedia*, ed. Derek Jones, 4 vols. (London and Chicago, 2001).

государственной и церковной власти, во-вторых, описание всех запретов, касающихся распространения информации. Несмотря на то что они так противоположны друг другу, мне кажется, оба заслуживают обсуждения.

Первый подход кажется дуалистическим, манихейским. Он противопоставляет детей света детям тьмы и апеллирует ко всем защитникам демократии, принимающим определенные истины как самоочевидные⁶. Какова бы ни была их логическая или эпистемологическая ценность, эти истины служат основным принципом не только в абстрактных рассуждениях, но и в политической практике. Первая поправка к Конституции США является отправной точкой для законов и судебных решений, давших определение и очертивших пределы «свободы слова и печати», как это записано в тексте одной великолепной фразой⁷. Интеллектуалы могут высмеивать «абсолютизм Первой поправки»⁸, но свобода, заложенная в Билле о правах, относится к политической культуре, которую даже можно назвать «светской религией»⁹, развивавшейся в течение двух с лишним веков и завоевавшей миллионы приверженцев. Придерживаясь Первой поправки, граждане США ориентируются на определенный стиль жизни. Они подчиняют свое поведение власти законов, а если между ними происходит конфликт, обращаются в суд, который определяет, какой закон применим согласно сложившейся практике.

Ратуя за основные права, философы оперируют абстракциями, но они обычно понимают, что эти идеи берут начало в системе власти и коммуникации. Джон Локк, философ, чье имя в первую очередь связывают с его теорией о естественном праве, не требовал свободы слова в то время, когда предварительная цензура была обычной практикой в Англии. Наоборот, он приветствовал решение парламента не обновлять закон о дозволении, обеспечивавший работу цензуры, считая это победой над торговцами из Книгоиздательской компании, которых презирал за монополистские действия и низкопробный товар¹⁰. Мильтон тоже выступил против Книгоиздательской компании в «Ареопагитике», величайшем манифесте свободы слова на английском языке – величайшем, но ограниченном (ведь в нем исключались «папизм» и «откровенные суеверия»)¹¹. Эти примеры, как и другие, приходящие на ум (пример Дидро)¹², демонстрируют не принципиальную неспособность философов доказать ценность свободы слова, а то, что они воспринимали ее как идеал, который нужно защищать в мире экономических интересов и политических лобби. Для них свобода была не само собой разумеющейся нормой, а основным принципом политического дискурса, с помощью которого они добились перестройки общественной реальности в Европе XVI–XVII веков. Многие из нас живут в мире, который был создан этими философами, мире гражданских свобод и общечеловеческих ценностей. Эти моральные нормы не устарели с появлением интернета. Трудно представить себе более бессмысленное занятие, чем осуждение цензуры без учета традиции, ведущей от Античности к Мильтону и Локку, а от них к Первой поправке и Всеобщей декларации прав человека.

⁶ См.: Reinhold Niebuhr, *The Children of Light and the Children of Darkness: A Vindication of Democracy and a Critique of Its Traditional Defence* (New York, 1944).

⁷ Первая поправка гласит: «Конгресс не должен принимать законов, поддерживающих утверждение какой-либо религии как государственной, запрещающих свободно практиковать таковую или ограничивающих свободу слова или печати, право людей на мирное собрание и на обращение к правительству за удовлетворением жалоб».

⁸ Stanley Fish, *There's No Such Thing as Free Speech, and It's a Good Thing, Too* (New York, 1994), 111.

⁹ Robert Bellah, *The Broken Covenant: American Civil Religion in Time of Trial* (Chicago, 1992).

¹⁰ The Correspondence of John Locke. Electronic Edition, Intelix Past Masters, vol. 5, p. 78.

¹¹ John Milton, *Areopagitica* (Rockville, Md., 2008), 57 and 61.

¹² Как свободный мыслитель, Дидро безусловно почитал свободу слова, но, как автор, оказавшийся сразу и под угрозой заключения посредством *lettre de cachet* (внесудебный ордер, подписанный королем), и под давлением литературного рынка, контролируемого Парижской гильдией издателей и книготорговцев, он без прикрас описывал книжную индустрию того времени, которая во многом напоминала ту, что описал Мильтон веком раньше, хотя Дидро больше зависел от могущественных издателей. См.: Denis Diderot, *Lettre sur le commerce de la librairie*, ed. Jacques Proust (Paris, 1962).

Такая аргументация может показаться несколько напыщенной. Она не то чтобы слегка отдаёт – от нее попросту пахнет завзятым либерализмом¹³. Я должен признаться, что сам разделяю либеральные взгляды и считаю «Ареопагитику» одной из самых воодушевляющих полемических работ, которые я читал. Но я также осознаю, что симпатизирую второму подходу к предмету, который сбивает спесь со сторонников первого. Сказанное или написанное слово обладает силой. На самом деле, могущество речи не сильно отличается по своему основному эффекту от других действий. Акты речи, согласно лингвистической философии, призваны произвести воздействие на окружающий мир. А их письменную форму нет причин связывать только с литературой. Некоторые теоретики литературы доходят до утверждения бессмысленности священного и защищенного конституцией понятия свободы слова. Как заявил Стенли Фиш в своем вызывающем эссе: «Свободы слова не существует, и это хорошо»¹⁴.

Можно указать и на другие воззрения, так называемые постмодернистские¹⁵, подкрепляющие эту точку зрения. В отличие от тех, кто воспринимает цензуру как нарушение прав, многие теоретики приходят к выводу, что она является неизбежной составляющей социальной жизни. С их точки зрения, цензура всегда и везде работает на уровне индивидуальной психики и общественного сознания. Она настолько вездесуща, что, как и в примерах, приведенных моими студентами, ее почти невозможно отличить от других форм контроля. Это ставит историю цензуры перед проблемой. С одной стороны, важно удерживаться от ограничения предмета исследования жесткими рамками, с другой – возникает искушение расширять его до бесконечности. Мы видим два конфликтующих подхода: один – нормативный, другой – относительный. На мой взгляд, их можно объединить, приняв оба и выведя на новый уровень анализа, который я назвал бы антропологическим. Чтобы доказать это, я привожу подробное описание работы цензуры в трех очень разных политических системах¹⁶.

Такого рода исследование требует погружения в архивы – исторического аналога полевой работы антрополога. Мой путь начался много десятилетий назад с архивов Бастилии и коллекций Аннисона-Дюперона и Шамбре из Национальной библиотеки Франции. Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам я смог провести год, с 1989-го по 1990-й, в Берлинском научном колледже, а вскоре после падения Берлинской стены познакомился с некоторыми цензорами из Восточной Германии. В 1993–1994 годах я смог пополнить предоставленную ими

¹³ Трактовка истории вигами, как ее описывал Герберт Баттерфилд, подчеркивала неостановимое движение прогресса к победе над реакцией в настоящем, которое выглядит как триумф либерализма: *Herbert Butterfield, The Whig Interpretation of History* (London, 1931). Из-за своей очевидной культурной и политической предвзятости «история вигов» стала уничижительным термином, но в последней статье Уильям Кронон утверждает, что ее стоит переоценить: *William Cronon, Two Cheers for the Whig Interpretation of History // Perspectives on History* 50, no. 6 (Sept. 2012). Конечно, взгляд на историю, выступающий против цензуры как постоянного подавления правды, необязательно должен иметь что-то общее с вигами или быть заведомо либеральным. Одно из самых известных исследований цензуры было написано консервативным историком идей Лео Штраусом: *Leo Strauss, Persecution and the Art of Writing* (Glencoe, Ill., 1952). В нем открыто порицается тот тип «историзма», который я отстаиваю в этой книге.

¹⁴ *Stanley Fish, There's No Such Thing as Free Speech* (Oxford, 1994), 102–19. Исследователи юриспруденции часто указывают на различные значения слова «свободный», иллюстрируя их разницей между выражениями «свободная пресса» и «свободная касса». Первое описывает действие, защищенное законом и ограниченное юридическими препятствиями, второе – продавца, готового к новой сделке. Таким образом, провозглашение свободы слова и свободного доступа к материалам в интернете не является забвением экономических и социальных реалий или приверженностью невежественному идеализму, который порицает Фиш. См.: *Lawrence Lessig, Free Culture: How Big Media Use Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity* (New York, 2004).

¹⁵ Помимо других исследований культуры, стоит уделить внимание постмодернистским теориям, см.: *Michael Holquist, Corrupt Originals: The Paradox of Censorship // Publications of the Modern Languages Association* 109 (1994), 14–25; эссе из: *Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation*, ed. Robert C. Post (Los Angeles, 1998); эссе: *Censorship and Cultural Regulation in the Modern Age*, ed. Beate Müller (New York, 2004); эссе из: *The Administration of Aesthetics: Censorship, Political Criticism, and the Public Sphere*, ed. Richard Burt (Minneapolis, 1994) и книги *Sophia Rosenfeld, Writing the History of Censorship in the Age of Enlightenment // Postmodernism and the Enlightenment: New Perspectives in Eighteenth-Century French Intellectual History* / Ed. Daniel Gordon (New York, 2001).

¹⁶ Яркое описание можно найти в: *Clifford Geertz, The Interpretation of Cultures: Selected Essays* (New York, 1973), 3–30.

информацию, проведя еще один год в Берлинском научном колледже в качестве стипендиата, и продолжил изучать эту тему в ходе нескольких исследований, посвященных цензуре газет Восточногерманской коммунистической партии (СЕПГ). Изучив работу цензоров в двух разных политических системах XVIII и XX веков, я решил обратиться к материалу XIX века из неевропейской части мира. Благодаря помощи Грэхэма Шоу, тогда заведовавшего собранием книг и документов Министерства по делам Индии в Британской библиотеке, мне удалось провести два лета, работая с невероятно подробными архивами Индийской гражданской службы.

Наконец, после стольких экспедиций к богатым залежам информации я стал думать, как превратить все это в книгу. Наверное, чтобы передать полученные сведения во всей их полноте, мне пришлось бы написать три книги. Но я хотел собрать результаты исследований в одном томе, чтобы читатели могли находить общие признаки в разных обстоятельствах и сопоставлять их. Попытка решить концептуальные и контекстуальные проблемы, сводя вместе сведения о трех разных странах в трех разных веках, может показаться обреченной на провал. Однако я все же надеюсь, что эта книга, в которой информация подается очень сжато, сможет привлечь широкую аудиторию и навести читателей на размышления о проблеме, вызываемой столкновением двух сил – государства, стремящегося бесконечно расширять свою власть, и коммуникации, постоянно увеличивающей объемы с развитием технологий. По системам цензуры, рассмотренным в этой книге, видно, что вмешательство государства в сферу литературы вовсе не ограничивается правками в рукописях. Оно доходит до формирования самого облика литературы как силы, проникающей во все слои общества. Если у государства была такая власть в эпоху печати, что может помешать ему воспользоваться ею в эпоху интернета?

Часть I

Франция Бурбонов: привилегии и репрессии

Манихейский подход к цензуре искушает особенно сильно, когда речь идет об эпохе Просвещения, которую легко воспринять как противостояние света и тьмы. Само Просвещение подает себя именно таким образом, а его сторонники из этой антитезы света и тьмы вывели новые: разум против мракобесия, свобода против угнетения, терпимость против фанатизма. Они видели параллельную работу двух сил в политике и обществе: с одной стороны, общественное мнение, возбуждаемое философами-просветителями, с другой – мощь государства и церкви. Разумеется, исторические исследования этой эпохи избегают подобного упрощения. Они разоблачают противоречия и двусмысленность, особенно когда соотносят абстрактные идеи с организациями и событиями. Но, когда речь заходит о цензуре, исторические интерпретации обычно противопоставляют репрессивные действия правительственных чиновников попыткам писателей продвигать свободу слова. Франция дает особенно яркие примеры такого противостояния: сожжение книг, арест писателей и запрет самых выдающихся литературных произведений, в первую очередь, работ Вольтера и Руссо, а также «Энциклопедии», история издания которых воплощает борьбу за освобождение знания от оков, навязанных государством и церковью¹⁷.

В поддержку такой интерпретации говорит многое, особенно если воспринимать ее в ключе классического либерализма или защиты прав человека, то есть с современной точки зрения, берущей начало в Просвещении. Но, если говорить о правомерности такой оценки исторических фактов, ей не хватает углубленного изучения внутренней работы цензуры. Чем занимались цензоры, как они представляли себе свою задачу и как их деятельность встраивалась в существующий общественный и политический порядок?¹⁸

¹⁷ Примеры этой тенденции в известных исследованиях Просвещения на английском языке, см.: *Kingsley Martin*, *French Liberal Thought in the Eighteenth Century* (London, 1962; 1st ed., 1929), 95–102; *George R. Havens*, *The Age of Ideas: From Reaction to Revolution in Eighteenth-Century France* (New York, 1955), 9 and 27–28; *Peter Gay*, *Voltaire against the Censors* // *Peter Gay*, *Voltaire's Politics: The Poet as Realist* (New Haven, 1959); и *Peter Gay*, *The Enlightenment: An Interpretation* (New York, 1969), vol. 2, pp. 69–79.

¹⁸ Эти вопросы особенно важны для истории книг, области исследований, которая только начинает оказывать влияние на понимание истории в целом. Чтобы составить общее представление об истории книг, можно обратиться к первой из паницианских лекций: *D. F. McKenzie*, *Bibliography and the Sociology of Texts* (Cambridge, 1999).

Книгопечатание и закон

Обратите внимание, например, на титульный лист (рис. 1) обычной книги XVIII века *Nouveau voyage aux isles de l'Amérique*, то есть «Новое путешествие на американские острова» (Париж, 1722). Он покрыт текстом и больше похож на суперобложку, чем на титульный лист современной книги. И действительно, его предназначение во многом было таким же, как у суперобложки: он суммировал и рекламировал содержание книги любому, кто мог бы ей заинтересоваться. Кроме того, бросается в глаза, по крайней мере современному читателю, отсутствие фамилии автора. Ее просто нет. Не потому, что автор пытался скрыть свою личность: его фамилия напечатана на обложке. Но зато человек, который действительно отвечал за книгу, нес юридическую и финансовую ответственность за нее, ясно обозначен внизу страницы, где даже приведен его адрес: «В Париже, на улице Сен-Жак, магазин Пьера-Франсуа Жиффара, рядом с улицей Матюрен, под образом святой Терезы». Жиффар был книготорговцем (*libraire*) и, как и многие другие книготорговцы, издавал книги (современное слово для издателя, *éditeur*, еще не вошло в употребление), покупая рукописи у авторов, отдавая их в печать и продавая готовый товар в своей лавке. С 1275 года за книготорговцев отвечал университет, и поэтому они должны были заводить лавки в Латинском квартале. Особенно много их было на улице Сен-Жак, где железные вывески (вроде «образа Святой Терезы») качались на ветру, словно ветки в лесу. Братство типографов и книготорговцев, избравшее покровителем святого евангелиста Иоанна, встречалось в церкви Матюрен на улице Матюрен рядом с Сорбонной, факультет теологии которой часто проверял напечатанные тексты на ортодоксальность. Так что адрес на этой книге отводит ей место в центре официальной торговли, и ее более чем законный статус очевиден еще и потому, что внизу страницы напечатана фраза: «С одобрения и с привилегией короля».

NOUVEAU VOYAGE AUX ISLES DE L'AMERIQUE

CONTENANT

L'HISTOIRE NATURELLE DE CES PAYS,
l'Origine, les Mœurs, la Religion & le Gouver-
nement des Habitans anciens & modernes.

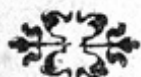
Les Guerres & les Evenemens singuliers qui y sont
arrivés pendant le long séjour que l'Auteur y a fait.

Le Commerce & les Manufactures qui y sont établies,
& les moyens de les augmenter.

Avec une Description exacte & curieuse
de toutes ces Isles.

Ouvrage enrichi de plus de cent Cartes, Plans,
& Figures en Tailles - douces.

TOME PREMIER.

A PARIS, RUE S. JACQUES;

Chez PIERRE-FRANÇOIS GIFFART, près
la rue des Mathurins, à l'Image
Sainte Therese.

M. DCC. XXII.

Avec Approbation & Privilege du Roy.

Рис. 1. Типичный титульный лист книги, побывавшей в руках цензора, Париж, 1722

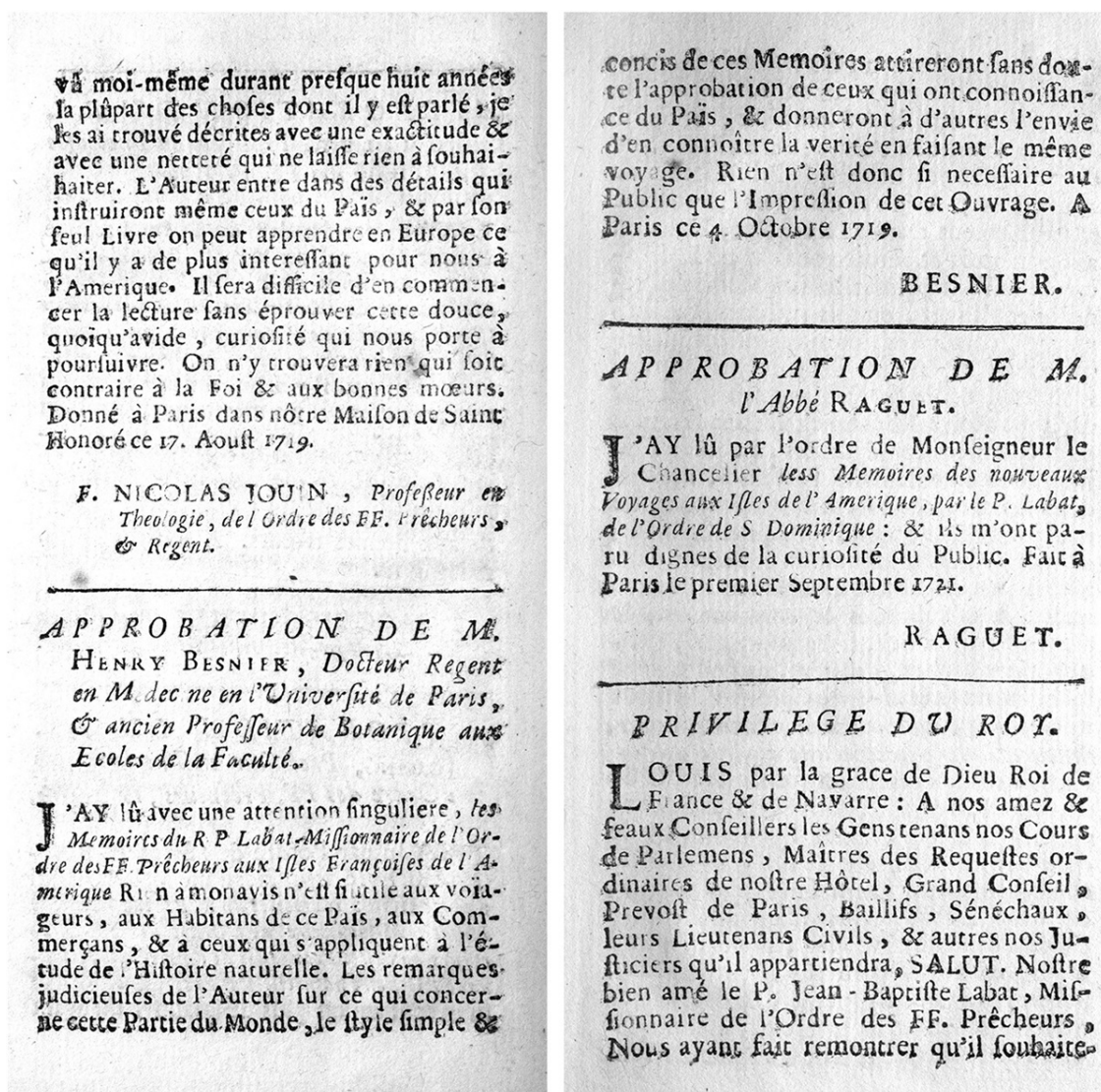

Рис. 2. Текст одобрения и привилегии, напечатанный перед сочинением *Nouveau voyage aux isles de l'Amérique*. Некоторые замечания в тексте привилегии (здесь приведена только первая часть) указывают на юридические действия, осуществленные ради ее коммерческого использования: 1. Книга включена в официальный реестр Парижской гильдии издателей и книготорговцев. 2. Автор, Ф. Ж.-Б. Лаба, официально отказался от привилегии, которую ему предоставили, в пользу двух книготорговцев: Жиффара и Кавелье-сына. (Как сказано выше, только книготорговцы и издатели имели право продавать книги.) 3. Жиффар и Кавелье-сын подтвердили, что разделили права, предоставляемые привилегией, между четырьмя участниками: каждый оставил себе одну четвертую долю участия в привилегии, а две другие они передали Кавелье-отцу и Теодору Легра, тоже книготорговцам

Здесь мы видим пример цензуры, потому что одобрение (апробация) было официальным разрешением, выдаваемым королевскими цензорами. В приведенном случае речь идет о четырех одобрениях, они все напечатаны в начале книги и написаны цензорами, которые утверждали рукопись к печати. Один из цензоров, профессор Сорбонны, снабдил свое одобрение-апробацию примечанием: «Я получил удовольствие, читая эту книгу, и нашел в ней немало занимательного». Другой, профессор ботаники и медицины, подчеркнул пользу книги для путешественников, торговцев и исследователей естественной истории и особенно отметил

литературный стиль. Третий цензор, теолог, просто признал, что книгу приятно читать. Он написал, что не мог ее отложить, потому что чувствовал «приятное, но не дающее покоя любопытство, которое вынуждает нас читать дальше». Разве таких слов мы ожидаем от цензора? Придадим вопросу форму, с которой, говорят, Эрвинг Гофман начинал любое социологическое исследование: что происходит?

Ответ кроется уже в самой привилегии, напечатанной после апробаций. Она выглядит как письмо от короля его чиновникам в судах, сообщающее, что король даровал автору книги, чье имя впервые упоминается в этот момент, эксклюзивное право печатать и продавать его произведение через посредников из гильдии книготорговцев. Привилегия – это длинный и сложный текст, в котором подробно оговариваются физические качества книги. Ее следовало печатать на «хорошей бумаге, красивым шрифтом, в соответствии с нормами книготорговли». Этими нормами задавались строгие стандарты качества: бумага должна была быть сделана из волокна определенного сорта, шрифт должен был быть откалиброван так, чтобы *m* в ширину занимала ровно столько же места, что и три *l*. Это было кольберианство¹⁹ в чистом виде, то есть продвижение государством торговли посредством установления стандартов качества и защиты интересов гильдий системой тарифов, изначально введенное в практику самим Жаном-Батистом Кольбером. Заканчивается привилегия так же, как и все королевские эдикты: «Ибо такова наша воля». Юридически книга существовала благодаря волеизъявлению короля, это был результат «милости» правителя. Слово *grâce*, «милость», можно встретить во всех ключевых эдиктах, касающихся книготорговли. Более того, *Direction de la librairie*, королевское Управление книготорговли, было разделено на два отдела: *Librairie contentieuse*, отдел, улаживавший конфликты, и *Librairie gracieuse*, отдел, раздававший привилегии. Наконец, после текста привилегии идет несколько абзацев, сообщающих, что она была внесена в реестр гильдии книготорговцев и что участие в привилегии разделено на части, приобретенные четырьмя разными лицами.

Итак, на взгляд современного человека, все это выглядит довольно странно: мы видим цензоров, высоко оценивающих стиль и литературные достоинства книги, вместо того чтобы вырезать из нее крамолу, короля, распространяющего на нее свою милость, и гильдию книготорговцев, которая делит эту милость и продает по частям, как некое имущество. Что в действительности происходит?

Чтобы разгадать эту головоломку, нужно воспринимать книгу XVIII века так же, как некоторые банки с джемом или коробки с печеньем в Англии, которые привлекают внимание иностранцев тем, что произведены «для особого пользования Ее Величества Королевы». Книги были ценной продукцией, они имели высочайшую апробацию, выдавая которую цензоры ручались за высокое качество текста. Цензура не сводилась к уничтожению крамолы. Она была *позитивной* и являлась королевским одобрением книги и официальным приглашением прочесть ее.

Ключевым понятием в этой системе является «привилегия». Привилегии вообще были организующим принципом в эпоху Старого режима, не только во Франции, но и во всей Европе. Закон не распространялся на всех в равной мере, ведь предполагалось, что все люди рождены неравными – и в этом нет ничего плохого, так как иерархия была определена Богом и является частью природы. Идея равенства перед законом не приходила в голову большинству европейцев, за исключением нескольких философов. Закон был особым распоряжением, выдаваемым конкретным людям или группам лиц согласно традиции и по соизволению короля. И подобно тому как привилегии даровались знатым людям из хороших семей, их получали и высококачественные книги. Более того, в издательском деле привилегии действовали на трех

¹⁹ Ж.-Б. Кольбер (1619–1683) – министр финансов Франции (1665–1683), также глава правительства в 1661–1666 годах в эпоху Людовика XIV, то есть в период окончательного установления абсолютной монархии. – *Прим. ред.*

уровнях: привилегия была у книги (современная идея авторского права еще не существовала нигде, кроме Англии), у книготорговца (он обладал эксклюзивным правом продавать книги как член гильдии) и у гильдии (она имела определенные права, например освобождение от большинства налогов). Короче говоря, монархия Бурбонов выработала сложную схему управления силой печатного слова. Как продукт системы, обсуждаемая в этой главе книга служит лицом целого режима.

С точки зрения цензора

Таковы были официальные условия книгопечатания при Старом режиме. Как выглядела эта система за внешней поверхностью титульных страниц с напечатанными на них текстами привилегий, то есть с точки зрения самих цензоров? К счастью, подборка рукописей в Национальной библиотеке Франции изобилует информацией о том, как цензоры выполняли свою работу в 1750-е и 1760-е годы. Тысячи их писем и рапортов главному директору Управления книготорговли (*Direction de la librairie*) К. Г. де Ламуаньону де Мальзербу описывают их методы работы и, что особенно интересно, причины, по которым они удовлетворяли запрос на привилегию или отказывали в ней²⁰.

Как и в тайной переписке с Мальзербом, в рапортах книги рассматриваются с откровенностью, немислимой в официальных оценках. Иногда цензоры просто, на всякий случай, убеждались, что в рукописи нет ничего, оскорбляющего религию, мораль или государство, – это были основные критерии, которыми они должны были руководствоваться. Но многие положительно отзывались о стиле и содержании, даже если их отзыв состоял всего из пары строк. Вот, например, типичная рекомендация к привилегии: «Я изучил, по приказу господина канцлера, „Письма г-на де Ларивьера“, *Lettres de M. de la Rivière*. На мой взгляд, книга хорошо написана и полна разумных и поучительных рассуждений»²¹. Когда цензорам нравился текст, они засыпали его похвалами. Один из них дал тщательный отчет обо всех качествах, которые оправдывали выдачу привилегии книге о Британских островах: безупречное расположение материала, великолепное историческое повествование, точнейшая география, все то, что нужно, чтобы удовлетворить любопытство читателя²². Другой цензор хвалил книгу по этике в основном за эстетические качества. Хотя автору недоставало величественности слога, текст был прост и ясен, расцвечен забавными случаями и написан так, чтобы удерживать внимание читателя, убеждая его в преимуществах добродетели²³. Некоторые одобрительные рапорты доходят до

²⁰ Bibliothèque nationale de France, ms. fr. 22137–22152. Из этих обширных реестров первые три содержат *jugements*, представленные цензорами Мальзербу и собранные под их именами. Остальные двенадцать представляют собой набор документов разных типов, в том числе многие *jugements*. При всей своей детальности, документы охватывают только период с 1750 по 1763 год, когда Мальзерб был директором по книжной торговле. Друг и покровитель нескольких просветителей, он был известен гибкостью и толерантностью и был вынужден постоянно защищать власть государства от попыток церкви, университетов и парламентов вмешаться в надзор за книготорговлей. Преемник Мальзерба, Антуан де Сартин (1763–1774), в целом продолжал его либеральную политику, но при более поздних директорах были периоды репрессий, особенно при Ле Камю де Невиле (1776–1784). Следующие наблюдения ограничены директорством Мальзерба, хотя я обращался ко всему материалу из обширной коллекции Аниссона-Дюперона и старался прочесть все документы за 1769–1789 годы. Полный обзор этой коллекции см.: *Inventaire de la Collection Anisson sur l'histoire de l'imprimerie et la librairie principalement à Paris (manuscrits français 22061–22193)*, 2 vols. (Paris, 1900). Среди исследований цензуры во Франции XVIII века, на мой взгляд, лучшим является: *Raymond Birn, Royal Censorship in Eighteenth-Century France* (Stanford, 2012). Другая работа (*Nicole Herrmann-Mascard, La Censure des livres à Paris à la fin de l'Ancien Régime, 1750–1789* (Paris, 1968)) заимствует многое из сенсационной работы *J.-P. Belin, Le Commerce des livres prohibés à Paris de 1750 à 1789* (Paris, 1913). Но немало ценного можно найти в более современных работах, в особенности *William Hanley, The Policing of Thought in Eighteenth-Century France // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century* 183 (1980), 265–93; *Barbara Negroni, Lectures interdites: Le travail des censeurs au XVIIIe siècle, 1723–1774* (Paris, 1995); *Georges Minois, Censure et culture sous l'Ancien Régime* (Paris, 1995); и *Edoardo Tortarola, Invenzione della libertà di stampa: Censura e scrittori nel Settecento* (Rome, 2011). Есть две публикации, связанные с моими собственными исследованиями бумаг из Управления книготорговли: *Reading, Writing, and Publishing in Eighteenth-Century France: A Case Study in the Sociology of Literature // Daedalus* (Winter 1971), 214–56; *Censorship, a Comparative View: France, 1789 – East Germany, 1989 // Historical Change and Human Rights: The Oxford Amnesty Lectures 1994* (New York, 1994), 101–30.

²¹ Abbé Geinos, Nov. 24, 1750, Bibliothèque nationale de France, ms. fr. 22137, document no. 103.

²² Lagrange de Chécieux, Sept. 6, 1759, ms. fr. 22138, no. 2.

²³ Simon, May 2, 1752, ms. fr. 22139, no. 113. «Этой рукописи, предваренной введением, недостает величественного и пышного стиля, которого можно было бы ожидать от такой темы. Но, несмотря на свою простоту, написана она внятно и может убедительно доказать, что добродетели, которые в ней обсуждаются, могут принести преимущества и способствовать совершенствованию всех людей. В целом она полна интересных исторических замечаний, соответствующих рассматриваемым добродетелям, и забавных случаев, которые могут развлечь читателя, наставляя его поучительными максимами. Не найдя в

того, что напоминают рецензии²⁴. Один цензор увлекся похвалами книге о путешествиях, но потом остановил себя и решил отправить краткий отзыв, «дабы не впасть в журналистику»²⁵.

Литературные соображения особенно заметны в негативных отзывах, от которых скорее можно было бы ожидать сосредоточенного выискивания крамолы. Один из цензоров осудил «легкомысленный и шуточный тон» трактата о космологии²⁶. Другой не высказал теологических возражений против биографии пророка Мухаммеда, но нашел ее поверхностной, а проведенные исследования недостаточными²⁷. Третий отказался рекомендовать учебник по математике, потому что задачи не излагались там в должной мере подробно, а также не для всех величин приводились вторые и третьи степени. Четвертый отверг юридический трактат на том основании, что там обнаружились терминологические неточности, неправильные датировки документов, неверные толкования основных принципов и множество орфографических ошибок²⁸. Оценка военных кампаний Фридриха II²⁹ вызвала негодование пятого цензора не из-за неподобающей оценки международной политики Франции, а так как это была «компиляция, составленная без всякого вкуса и ума»³⁰. А шестой отказался одобрить труд, защищающий ортодоксальную религию от нападок вольнодумцев, в первую очередь, из-за небрежности автора:

Это вообще не книга. Невозможно понять ход мысли автора, пока не дочитаешь до конца. Сначала продвигается в одном направлении, а потом возвращается назад. Его аргументы слабы и поверхностны. Когда он пытается придать живость слогу, то становится просто нахальным... Стараясь вернуть красивую фразу, он часто производит нелепое впечатление³¹.

Разумеется, в рапортах содержится множество комментариев, осуждающих новые идеи. Безусловно, цензоры защищали церковь и короля. Но они работали, исходя из того, что апробация – это положительный отзыв о книге, а привилегии подразумевают поддержку короны. Цензоры выражали свое мнение как образованные люди, желающие защитить «честь французской литературы», как сказал один из них³². Они часто принимали надменный тон, жестко критикуя сочинения, не соответствовавшие стандартам, которые могли быть установлены еще в Великий век, *Grand Siècle*³³. Один из цензоров был не менее резок, чем Никола Буало, самый

рукописи ничего, что могло бы помешать ее изданию, я думаю, что должен ее одобрить».

²⁴ Например, *de Mareille*, May 4, 1752, ms. fr. 22138, no. 111, на *Vie de Grotius*.

²⁵ *Lagrange de Chécieux*, Nov. 6, 1757, ms. fr. 22152, no. 190.

²⁶ Недатированное сообщение Дегинье (ms. fr. 22137, no. 135).

²⁷ *Le Blond*, Oct. 2, 1752, ms. fr. 22138, no. 38. В похожем недатированном сообщении де Парсьё отказывает математическому трактату за «мешанину из огромного количества задач, в которой невозможно найти никакого порядка или метода... Автор обращается с задачами, как рабочий из Лимузина со штукатуркой... С начала [рукописи] до ее конца невозможно ничего усвоить, но было бы еще хуже, если бы это случилось. У нас и так довольно книг, которые плохо учат». Ms. fr. 22139, no. 3.

²⁸ Неподписанное и недатированное сообщение (ms. fr. 22140, no. 12).

²⁹ Фридрих II Великий, король Пруссии в 1740–1786 годах, полководец, прославившийся победами над Австрией, а также над Саксонией и Францией в Семилетней войне. Инициатор и участник 1 раздела Польши (Речи Посполитой) между Австрией, Россией и Пруссией в 1772 году. При Фридрихе Великом значительно увеличилась территория прусско-бранденбургского государства. – *Прим. ред.*

³⁰ *Delaville*, Nov. 23, 1757, ms. fr. 22138, no. 19. «Это компиляция, составленная без ума и вкуса... Я нахожу работу отвратительной по форме и содержанию».

³¹ *Foucher*, Jan. 17, 1754, ms. fr. 22137, no. 94.

³² *Rémond de St. Albine*, April 29, 1751, ms. fr. 22138, no. 78, где описывается отказ в апробации пьесы: «Содержание этой пьесы слишком банально, и этот недостаток автор не пытается компенсировать остроумием диалогов. В целом в сочинении не выдержан стиль, а автор даже допускает несколько грамматических ошибок. Огромное количество неверных рифм повсюду в тексте пьесы особенно оскорбит любого читателя с тонким вкусом. Я не вижу других причин для запрета печати этой пьесы, кроме урона, который наносит чести французской литературы невероятное изобилие произведений, не стоящих внимания читателя».

³³ Так после Вольтера стали называть эпоху правления Людовика XIV (1643–1715), когда творили основные авторы фран-

въедливый критик XVII века, отвергая альманах, где не было ничего предосудительного, кроме языка: «Такой стиль непростителен»³⁴. Другой не принял сентиментальный роман потому, что тот был «плохо написан»³⁵. Третий осудил перевод английского романа только потому, что нашел его скучным:

Я обнаружил только унылое морализаторство вперемежку с мелкими приключениями, плоскими шутками, невнятными описаниями и тривиальными рассуждениями... Такая работа не заслуживает официальной апробации³⁶.

Цензура такого рода вела к затруднениям: если произведение должно быть не только безобидным, но и достойным одобрения по критериям века Людовика XIV, разве так не отсеется большинство книг? Цензор, работавший с упомянутым выше романом, выбрал типичное решение:

Так как [это произведение], несмотря на свои недостатки и посредственность, не содержит ничего опасного или предосудительного и, в конце концов, не оскорбляет религию, мораль или государство, я думаю, что вполне допустимо разрешить ее печать с молчаливого дозволения, хотя публика и не обрадуется такому подарку³⁷.

Другими словами, режим создавал лазейки в юридической системе. «Молчаливое дозволение», «допущение», «простое поущение», «дозволение полиции» – чиновники, надзирающие за книготорговлей, разработали целую систему категорий, которую можно было использовать, чтобы разрешить печать книги без официальной апробации. Учитывая суть системы привилегий, им не оставалось ничего другого, иначе пришлось бы дать бой всей литературе того времени. Как сказал Мальзерб, вспоминая годы, проведенные на посту главного директора Управления книготорговли: «Если бы человек читал только те книги, которые сразу выходили с официальной апробацией правительства, он отстал бы от своих современников почти на сто лет»³⁸. Мальзерб больше, чем все предыдущие директора Управления, расширил сферу применения «молчаливого дозволения» – обещания закрывать глаза на продажу книги, если она не вызывала столь громкого скандала, чтобы ее приходилось изымать с рынка – обычно силами полиции. В отличие от привилегий молчаливое дозволение не гарантировало эксклюзивного права на печать книги, но для него требовалось утверждение цензором и внесение в реестр. Эти процедуры не оставляли по себе никакого следа на титульном листе книги, даже имени цензора, вместо этого там часто был указан фальшивый адрес, показывавший, что книга напечатана за пределами Франции. В особенно сложных случаях цензоры могли рекомендовать Управлению книготорговли «простые поущения», *simples tolérances*, то есть неформальную договоренность о том, что директор Управления будет смотреть сквозь пальцы на продажу

цуского классицизма – трагики Жан Расин и Пьер Корнель, комедиограф Жан-Батист Мольер, поэт Никола Буало. Это было время расцвета французского театра, связанного также с творчеством композитора Ж.-Б. Люлли. Тогда же писали философы Блез Паскаль и Жан де Лабрюйер, тоже оказавшие влияние на литературный стиль. – *Прим. ред.*

³⁴ *Guiroy*, July 24, 1753, ms. fr. 22137, no. 136. Неподписанное и недатированное сообщение об отказе в апробации анти-янсенистской работы было столь же прямолинейным. Ее содержание было полностью приемлемым, но «вся работа содержит огромное количество невнятных, излишнего многословия, правильные аргументы подаются крайне неубедительно, а некоторые фразы просто не имеют отношения к французскому языку». Ms. fr. 22140, no. 17.

³⁵ Неподписанное сообщение: *Simon*, ms. fr. 22139, no. 107. «Этот роман плохо написан, содержит стилистические ошибки, большинство понятий использованы некорректно и даже не по-французски. Эта небольшая история лишена какого-либо правдоподобия, и пустые приключения, которые она описывает, недостаточно интересны, чтобы развлечь читателя. Не найдя ни малейшей пользы или наставления обществу, я нахожу своим долгом отказать ей в одобрении».

³⁶ *De Bougainville*, Aug. 26, 1751, ms. fr. 22137, no. 33.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *C. G. de Lamoignon de Malesherbes*, *Mémoires sur la librairie et sur la liberté de la presse* (1809, оригинал 1788; перепечатка: Geneva, 1969), 300.

книги из-под полы или из-под прилавка. *Permissions de police*, «дозволения полиции» выдавались от имени генерал-лейтенанта полиции коротким произведениям-однодневкам, которые тоже могли быть изъяты, если вызывали неприятности.

Цензору, получившему новую рукопись, эта система разных уровней законности обычно предоставляла три варианта действий: во-первых, он мог запросить через главного директора Управления привилегию для книги у канцлера, и тогда она могла выйти с апробацией и именем цензора на титульном листе. Во-вторых, цензор мог рекомендовать молчаливое дозволение, тогда книга выходила без официальной поддержки, как если бы была напечатана за границей. В-третьих, он мог отказать в публикации рукописи, после чего она могла быть напечатана только нелегально³⁹. Делая выбор, цензор должен был учитывать сложные и часто противоречивые факторы: соответствие принятым религиозным, политическим и моральным нормам, ценность для литературы или соответствующей области знания, эстетические качества и, иногда, коммерческий потенциал, возможное влияние на текущую ситуацию в стране, соприкосновение с паутиной вражды и протекций в свете, *le monde* – то есть среди элиты, в которую входили по праву рождения, богатства и таланта и которая верховодила в общественной жизни Франции. Рассмотрим два примера.

Для начала, история успеха. Шевалье де Муи – наемный писатель и по совместительству полицейский шпиик – обладал минимумом таланта и еще меньшими средствами, но нашел огромное количество «протекций», что в XVIII веке означало использование того влияния, которое заставляло «свет», или «мир», *le monde*, вращаться. В 1751 году Муи собрал под одной обложкой несколько беллетристических эссе, дав книге название «Драматические картинки» (*Tablettes dramatiques*), и использовал один из своих козырей: знакомство с шевалье де Поном, одним из советников герцога Шартрского. Де Пон дал Муи возможность показать рукопись герцогу во время аудиенции во дворце Сен-Клу. Взглянув на текст, герцог сказал, что надеется увидеть это сочинение опубликованным. Затем Муи вернулся на свой чердак, настроил цветастое посвящение герцогу и после кое-каких переговоров по поводу лести в одной из фраз убедил де Пона уговорить герцога принять его. Дальше Муи намеревался протащить текст через цензуру, что было нелегко, ведь в нем содержалось несколько нелестных замечаний об ученых и Французской академии. Чтобы облегчить себе путь, Муи использовал следующий козырь, протекцию маршала де Бель-Иля. Маршал написал господину де Ла Реньеру, тестю Мальзербу, объясняя, что Муи находится под его покровительством и что он, маршал, был бы рад, если бы Ла Реньер тоже оказал Муи протекцию. Муи послал де Ла Реньеру письмо и от своего имени, подчеркивая, кому посвящена книга, а также двойную протекцию и важность скорого получения привилегии, потому что по коммерческим причинам он должен был выпустить книгу на рынок как можно быстрее. Ла Реньер согласился и послал письмо Мальзербу, а Мальзерб пошел на уступку и назначил сочувствующего цензора, Ф.-А. Паради де Монкрифа, драматурга, поэта, члена Французской академии и человека, заручившегося связями в свете, *le monde*, благодаря прекрасным манерам и остроумию. Монкриф понял, чего от него хотят, потому что Мальзерб в своем приказе указал, что маршал де Бель-Иль, один из самых могущественных людей Франции, заинтересован в этом деле.

Все шло хорошо, но Монкриф получил неряшливый экземпляр рукописи, написанный почерком, который едва можно было прочесть. Ему потребовалось потратить много вре-

³⁹ Принятые 30 августа 1777 года правила, регулирующие книжную торговлю, вводили новое понятие, «простое разрешение», которое давало неэксклюзивное право снова опубликовать текст, срок привилегии которого истек. Это делало эксплицитным право автора получать привилегию, которой он и его наследники могли владеть вечно. Но обычно авторы передавали свои привилегии книготорговцам, публиковавшим их работы. В таких случаях эдикты 1777 года ограничивали действие привилегии временем жизни автора при минимуме в десять лет. См.: *Arrêt du Conseil d'Etat du Roi, portant règlement sur la durée des privilèges en librairie. Du 30 août 1777*, перепечатанный в: *Antoine Perrin, Almanach de la librairie* (Paris, 1781), который, в свою очередь, был перепечатан в: *Almanach de la librairie* (Aubel, Belgium, 1984).

мени и труда, чтобы расшифровать его, расставляя свои инициалы на просмотренных страницах согласно принятой процедуре. Муи, умоляя действовать быстрее, убедил цензора отдать первую часть одобренных страниц, чтобы книгу можно было внести в список на апробацию во время следующей аудиенции у Мальзерба в Бюро книготорговли, *Bureau de la librairie*. Таким образом, издатель мог бы начать работать над уже утвержденной частью текста, пока Монкриф читает остальное. Это было нормально, ведь Монкриф мог сверять корректуры с новыми пометками в рукописи. Более того, Муи предоставил ему полное право выкидывать любые спорные пассажи, одновременно заверяя, что в тексте ничего такого нет и не может быть. Но вместо корректуры Монкриф получил свежееотпечатанную книгу вместе с копией текста, использовавшейся при издании. В книге появилось множество эпизодов, отсутствовавших в той версии, которую одобрил Монкриф, включая некоторые ремарки на странице 76, которые точно обидели бы его коллег из Французской академии. Монкриф кинулся по магазинам, получившим первые экземпляры книги, вырывая оскорбительную страницу, и потребовал от Муи заменить ее чем угодно перед поступлением в продажу основной части тиража. В конце концов цензору удалось спасти свою репутацию, а автор получил желанную книгу за вычетом одной страницы благодаря своей способности обходить бюрократию и дергать за ниточки⁴⁰.

У следующей истории не такой счастливый конец. Гийом Понсе де Лаграв, адвокат и малозначительный писатель, был куда более талантливым, чем месье де Муи, но далеко не таким умелым в поисках покровительства, хотя в какой-то момент и был цензором сам. В 1753 году он закончил «Проект украшения города Парижа и его предместий» (*Projet des embellissements de la ville et des faubourgs de Paris*), где излагались предложения по благоустройству Парижа и изменению облика публичных пространств. Под покровительством того же цензора Монкрифа, который специализировался на работах по изящным искусствам, Понсе тоже пытался выпустить свой труд с помощью влиятельного патрона, попросив разрешение посвятить его маркизу де Мариньи, брату мадам де Помпадур и главному чиновнику, занимающемуся королевскими строительными проектами. У него ничего не вышло. Мариньи вернул набросок посвящения с немногословным отказом, а когда Понсе потребовал более ясного ответа, заметил: «Принять посвящение работы значило бы согласиться дать ей официальную апробацию». Кроме того, он не дал Понсе обратиться к самой мадам де Помпадур: «Так как у моей сестры очень мало свободного времени, я не вижу удобного случая, когда я мог бы вас представить»⁴¹. Неудача с посвящением стала препятствием на пути к получению апробации, потому что цензор не хотел нажить себе врагов в Версале⁴². Понсе и Монкриф долго обсуждали это безвыходное положение во время встречи во дворце Тюильри. По словам Понсе, Монкриф считал книгу вполне заслуживающей публикации и признался, что «долг цензора» побуждает его утвердить ее, но ничто не могло заставить его выступить против Мариньи⁴³. А у Мариньи были свои планы в области архитектуры, и он не хотел давать повода думать, что одобряет другие проекты, особенно подразумевающие увеличение налогов. Версаль, как обычно, был стеснен в средствах. Но почему эти соображения должны были встать на пути у верного подданного, пытающегося издать книгу, не оскорблявшую короля, церковь или что-либо, кроме вкуса одного добившегося высокого положения маркиза?

⁴⁰ Письма и сообщения по этому делу разбросаны по: ms. fr. 22138, nos. 151, 160, 161, 168; ms. fr. 22149, nos. 18–24.

⁴¹ Маркиз де Мариньи к Понсе де Лаграву (April 17, 1755, ms. fr. 22149, no. 65): «Принять посвящение работы – значит дать публичное одобрение». Документы по этому делу находятся в: ms. fr. 22149, nos. 59–74.

⁴² Монкриф к Понсе (Oct. 13, 1755, ms. fr. 22149, no. 67): «Я могу только повторить, что мне пришлось сообщить вам о своем принципе не давать одобрение никаким работам о том или ином виде искусства без согласия человека, которого король назначил управлять им. Я не упрашиваю их и не спорю, когда они приходят к собственному мнению».

⁴³ Понсе к Мальзербу (Oct. 21, 1755, ms. fr. 22149, no. 69) сообщает о беседе, в которой Монкриф сказал Понсе: «Я знаю, что это мой долг как цензора. Но я могу расстроить господина де Мариньи, который дал понять, что не хочет, чтобы эта книга была опубликована».

В недоумении Понсе через голову Монкрифа обратился к самому Мальзербу. «Во Франции автору тяжело сталкиваться с таким количеством трудностей, – писал он. – Я никогда не умел играть в придворного. В этом моя беда». Но после этого он сам прибегает к придворному языку: «Если бы я не знал о вашей справедливости, месье, я мог бы использовать связи своей семьи с месье д'Орьяком и месье Кастарнье. Хотя я не часто бываю в их обществе, они знают, кто я такой, им прекрасно известно мое имя... Среди благородных людей кровь многое значит»⁴⁴. Мальзерб попросил Монкрифа изложить свою версию происходящего. Цензор признал свое нежелание вступать в противостояние с влиятельными людьми и попросил избавить его от хлопот по этому делу. Он также написал возмущенное письмо Понсе, жалуясь, что тот навлек на него неудовольствие Мальзерба. Так что Понсе в итоге пришлось просить о передаче книги другому цензору и о молчаливом дозволении. Когда его книга наконец увидела свет без привилегии и апробации, ее судьба была именно такой, какой можно было бы ожидать с самого начала: она никого не оскорбляла, и никто не обратил на нее внимания.

Эти два случая больше говорят о работе цензоров, чем на шумевшие гонения на просветителей. На самом деле, авторы и цензоры вместе работали в серой зоне, где законное постепенно перетекало в незаконное. Они разделяли одинаковые идеи и ценности – что неудивительно, ведь они происходили из одной среды⁴⁵. Большинство цензоров и сами были писателями, включая авторов, связанных с Просвещением, например Фонтенеля, Кондильяка, Кребийона-сына и Сюара. Как и энциклопедисты, они принадлежали к университетско-академическим и административным кругам, кругам духовенства и образованных профессионалов⁴⁶. Они не зарабатывали на жизнь цензурой книг, делая карьеру профессоров, врачей, юристов и всякого рода чиновников. Цензура была для них дополнительным занятием, и большинство исполняло обязанности цензоров бесплатно. Из 128 цензоров в 1764 году 33 получали скромное жалование в 400 ливров за год, один – 600 ливров, а остальные – ничего⁴⁷. После долгой преданной службы они могли надеяться на пенсию. В 1764 году государство выделило 15 000 ливров на такие пенсии для отставных цензоров. Но для большинства из них награда за работу заключалась в престиже и возможности найти протекции. Быть отмеченным как «королевский цензор», *censeur du Roi*, в «Королевском ежегоднике», *Almanach royal*, значило занять среди слуг короны высокое положение, которое могло стать этапом на пути к более прибыльным должностям. Один из цензоров сообщил Мальзербу, что он согласился на работу, полагая, что влиятельный покровитель будет способствовать его продвижению по службе, но покровитель скончался, так что у цензора пропало желание править рукописи⁴⁸. Если статус *censeur du Roi* определялся количеством людей, получавших эту должность, то он продолжал цениться на протяжении целого века. Число цензоров продолжало расти – от 10 в 1660 году до 60 в

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Учитывая неполный и неравномерный характер источников, провести полноценное социологическое исследование цензоров может быть столь же тяжело, как написать социальную историю авторства во Франции XVIII века. Но цензоры перечислялись в ежегодных выпусках *Almanach royal* и оставили множество следов своей работы в коллекции Аниссона-Дюперрона в Национальной библиотеке Франции. Используя эти и другие документы, Уильям Хенли готовит строгий биографический словарь, который сделает возможным составление просопографии или коллективного портрета всех цензоров за последние пять десятилетий Старого режима. См.: William Hanley, *A Biographical Dictionary of French Censors, 1742–1789* (Ferney-Voltaire, 2005), vol. I (A–B).

⁴⁶ О социальном и профессиональном характере составителей «Энциклопедии» Дидро и ее ближайшей наследницы *Encyclopédie méthodique* см.: Robert Darnton, *The Business of Enlightenment: A Publishing History of the Encyclopédie, 1775–1800* (Cambridge, Mass., 1979), 437–47.

⁴⁷ Mémoire sur l'état ancien et actuel de la librairie, présenté à M. de Sartine, directeur général de la librairie et imprimerie, par les syndic et adjoints en charge au mois de mars 1764, Bibliothèque nationale de France, Collection Anisson-Duperron, ms. fr. 22063, fol. 136 verso.

⁴⁸ Террасон к Мальзербу (March 5, 1758, ms. fr. 22146, no. 61): «Более того, месье, сейчас я не спешу браться за изучение книг. Канцлер Д'Агюссо по собственному разумению и в связи с его намерением поощрить меня поместил мое имя в список [цензоров], руководствуясь несколькими причинами, одной из которых является то, что мой отец долгое время был цензором. Так как это [намерение] не было осуществлено, я нахожусь в ситуации, когда могу посвятить себя другой работе».

1700-м, 70 в 1750-м, 120 в 1760-м и почти 180 в 1789-м⁴⁹. Однако этот рост отражал колоссальное увеличение объема книжной продукции, что можно заметить по ежегодным запросам на официальное направление книги в печать в течение XVIII века – от 300 в 1700 году до 500 в 1750-м и более тысячи в 1780-м⁵⁰. Авторы, издатели и цензоры – все были связаны с растущим производством. Но цензоры от него получали прибыли меньше всех прочих.

Почему находилось столько образованных, зачастую принципиальных людей, готовых взяться за такую работу? «Условия работы», как мы сказали бы сегодня, выглядели совсем непривлекательными: маленькая зарплата или ее полное отсутствие, ни своего стола, ни кабинета, почти ничего, кроме синего карандаша, который предоставляло правительство. Зато работа цензора была связана с долгими часами кропотливого труда и постоянным риском оскорбить высокопоставленных людей и даже навлечь на себя позор. Но сама постановка вопроса будет анахронизмом. За исключением некоторых протестов вроде знаменитого монолога Фигаро из «Женитьбы Фигаро»⁵¹, большая часть негодования обрушилась на цензоров после 1789 года, когда среди обычных людей распространилось убеждение, что всякий индивид имеет естественное право на свободу высказывания. Чем же была в мире, руководствовавшаяся иными принципами, система цензуры, внушавшей уважение к себе?

⁴⁹ Эти показатели основаны на именах, перечисленных в ежегодном *Almanach royal*, однако цензоров продолжали вносить туда после того, как они перестали работать, так что числа приблизительны. Самое тщательное исследование цензоров как группы можно найти в диссертации *Catherine Blangonnet, Recherche sur les censeurs royaux et leur place dans la société au temps de M. de Malesherbes* (Ecole des Chartes, 1975). Не имея доступа к этой работе, я опирался на пересказ находок мадемуазель Блангоне из *Daniel Roche, La Censure // Histoire de l'édition française: Le livre triomphant, 1660–1830* / Ed. Roger Chartier and Henri-Jean Martin (Paris, 1984), 91, и *Raymond Birn, La Censure royale des livres dans la France des Lumières* (Paris, 2007), 101–31, где содержится много дополнительного материала. Мои собственные исследования тех же источников подтверждают многие из выводов Бирна. Несколько другая статистика числа цензоров приведена в *Robert Estivals, La Statistique bibliographique de la France sous la monarchie au XVIIIe siècle* (Paris, 1965), 50.

⁵⁰ Estivals, *La Statistique bibliographique de la France sous la monarchie*. Разные регистры запросов на разные типы разрешения на печать с неизбежностью приводят к разным статистическим выводам. Обсуждение этой проблемы и дальнейшие подсчеты можно найти в эссе из *Livre et société dans la France du XVIIIe siècle*, ed. François Furet (Paris, 1965 and 1970). Пересказ запросов на привилегии см.: *Henri-Jean Martin, Une croissance séculaire // Histoire de l'édition française*, vol. 2, *Le livre triomphant 1660–1830*, ed. Roger Chartier and Henri-Jean Martin (Paris, 1984), 97–100.

⁵¹ Акт 5, сцена 3: «Так как в своей работе я не обсуждаю ни власть, ни религию, ни политику, ни мораль, ни важных персон, ни влиятельные организации, ни Оперу, ни какие-либо другие театры и никого, кто обладал бы весом, я могу публиковать ее полностью совершенно свободно при проверке двух или трех цензоров».

Повседневная работа

Начать следует с понимания взаимосвязи, существовавшей между цензурой и ростом роли государства, процессом, стремительно набиравшим силу во Франции со времен Ришелье. Ко времени Мальзерба строй старой абсолютистской монархии изменило, по словам Макса Вебера, новое явление, повлиявшее на облик всего современного общества: бюрократизация. Термин «бюрократия» появился в 1750-е годы вместе с растущей зависимостью от бумажных документов, бланков, установленного регламента выполнения задач и целой иерархии работников на жалованье, от простых клерков и переписчиков до руководителей администрации, *premiers commis*, и глав департаментов⁵². Разумеется, большинство учреждений до падения Старого режима оставались коррумпированными, а государство решало свои финансовые и юридические проблемы предвзято и нерационально, что во многом поспособствовало коллапсу 1789 года⁵³. Как часть государственного аппарата – отделение Канцелярии, *Chancellerie*, или, как мы бы сейчас сказали, министерства юстиции – *Direction de la librairie*, и отдаленно не напоминало современное бюрократическое учреждение. В нем не было даже кабинетов. Мальзерб вел дела из своего городского особняка на улице Нёв-де-Пти-Шан неподалеку от улицы Ла Фёйад, престижного района Парижа поблизости от Вандомской площади. Решения по вопросам цензуры или огромному множеству других тем, связанных с книготорговлей, он принимал в комнате, называемой «бюро». Но она служила для «аудиенций», во время которых Мальзерб представлял перед просителями как вельможа, что неудивительно, ведь он принадлежал к известной династии Ламуаньонов из «дворян мантии»: он занимал место президента палаты подателей, выносившей решения относительно налогов, а его отец занимал высочайший пост в королевстве – канцлера Франции⁵⁴. Цензоры, работавшие под началом Мальзерба, не имели рабочих мест. Они оценивали рукописи у себя дома или там, где находились в силу своей основной работы. Называть их неологизмами XVIII века вроде *bureaucrate* (бюрократ), *buraliste* (конторщик) или *paperasseur* (бумагомаратель) было бы неверно⁵⁵.

И все же документы, оставшиеся после них, указывают на процессуальные нормы и самосознание, которые можно считать признаками бюрократического подхода – смешанного, разумеется, с устаревшими элементами, свойственными книжной индустрии под руководством гильдии, «Парижского общества книгоправцев и типографов», *Communauté des libraires et des imprimeurs de Paris*. Книготорговцы, которые обязаны были быть членами этой гильдии, часто приходили на встречи у Мальзерба, шумные, оживленные собрания, проводившиеся каждый четверг, и стремились подать рукописи, прося о привилегии⁵⁶. Мальзерб назначал для каждой

⁵² Max Weber, *The Development of Bureaucracy and Its Relation to Law* // Max Weber: *Selections in Translation* / Ed. W. G. Runciman (Cambridge, 1978), 341–56. Согласно Le Grand Robert de la langue française (Paris, 2001), vol. 1, p. 1755, слово *bureaucratie* было введено экономистом Ж.-К.-М.-В. де Горнэ, умершим в 1759 году. Также см.: Ferdinand Brunot, *Histoire de la langue française des origines à nos jours* (Paris, 1966), vol. 6, pt. 1, 445–47. Луи-Себастьян Мерсье включил главу под названием *Bureaucratie* в свой труд *Tableau de Paris* (Amsterdam, 1783), vol. 2, p. 572 и в ней подчеркивает деспотическую власть государственных чиновников, скрытую от глаз публики: «Бюрократия. Слово, созданное недавно, чтобы кратко и емко обозначить растущую силу обычных чиновников, которые в разных кабинетах министерств дают ход множеству проектов, которые сами придумывают, или зачастую находят пылящимися в ящике стола, или выбирают из-за личных вкусов и маний».

⁵³ Анализ дисфункциональных аспектов управления во Франции XVIII века: Marcel Marion, *Les Impôts directs sous l'Ancien Régime: Principalement au XVIIIe siècle* (Paris, 1910); Herbert Lüthy, *La Banque protestante en France, de la Révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution* (Paris, 1959); J. F. Bosher, *French Finances, 1770–1795, from Business to Bureaucracy* (Cambridge, 1970).

⁵⁴ Pierre Grosclaude, *Malesherbes: Témoin et interprète de son temps* (Paris, 1961). Согласно упоминаниям в переписке Мальзерба, приемы по четвергам были многолюдными собраниями, где решались все возможные вопросы, связанные с книготорговлей. См., например, письмо Мальзерба к архиепископу Тулузы (August 17, 1763, ms. fr. 22150, no. 62) и Мальзерба к Семонвилю (Feb. 14, 1760, ms. fr. 22146, no. 87).

⁵⁵ Об этом см.: Brunot, *Histoire de la langue française*, vol. 6, pt. 1, p. 445.

⁵⁶ Монкриф к Мальзербу (Nov. 4, 1775, ms. fr. 22138, no. 159).

цензора через *billet de censure*, также известный как *renvoi*. Это был печатный бланк, отсылаемый цензору и содержавший стандартную формулировку:

Месье ...,
будет рад взять на себя изучение этой рукописи со всем возможным вниманием и усердием, чтобы предоставить в скором времени суждение о ней господину канцлеру.

Секретарь Мальзерб вписывал имя цензора, название рукописи, дату и в верхнем левом углу номер запроса. Этот номер вместе с соответствующей информацией вносился в реестр, называемый «книгой о книготорговле», *livre sur la librairie*. Получив рукопись вместе с «цензурным письмом», *billet de censure*, цензор проглядывал текст, ставил свои инициалы на каждой прочитанной странице (если только он не решал отвергнуть текст, что отменяло необходимость в инициалах) и делал пометки о всех изменениях, которые считал необходимыми. В простых случаях, когда цензор полностью одобрял рукопись, он часто писал «суждения», *jugements*, как это называли, прямо внизу *billet de censure*, который возвращал Мальзербу. Так выглядела типичная положительная оценка:

В этой небольшой работе о росписях в Геркулануме я не нашел ничего, кроме достойных внимания и разумных сведений, и на ее публикацию вполне можно дать официальное разрешение, а не молчаливое дозволение⁵⁷.

⁵⁷ Этот *billet de censure* с ответным *jugement* находится в письме Боза к Мальзербу (Feb. 28, 1751, ms. fr. 22137, no. 38). См. также похожие документы в письме Секуса к Мальзербу (Jan. 2, 1752, ms. fr. 22139, no. 98).

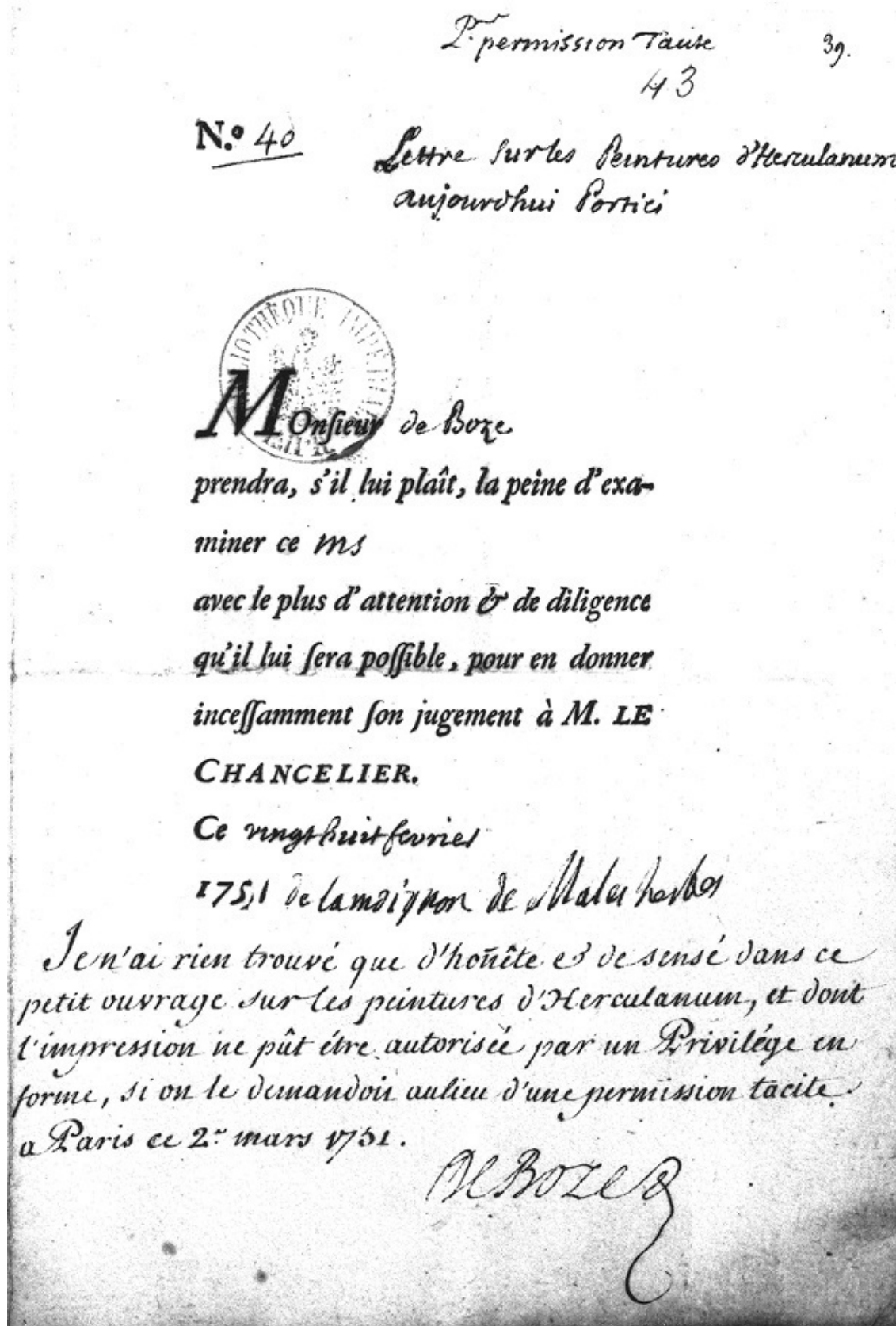

Рис. 3. Billet de censure, датированный 28 февраля 1751 года и подписанный Мальзербом, приказывает цензору де Бозу изучить рукопись под названием «Письмо о росписях Геркуланума», *Lettre sur les peintures d'Herculanum*. Внизу де Боз написал «суждение», *jugement*, датированное 2 марта 1751 года, подтверждая, что текст заслуживает молчаливого согласия

или привилегии. Пометка сверху указывает на то, что рукопись получила молчаливое дозволение, а цифра в левом верхнем углу обозначает номер регистрации в «Ведомости суждений», *Feuille des jugements*

В более сложных случаях цензор отсылал суждение Мальзербу в виде письма. Кроме того, он мог высказать его устно и подробно обсудить с Мальзербом на рабочих встречах с цензорами, так называемых *bureau de jeudi* (собрания по четвергам), которые тоже проходили в городском особняке Мальзерба.

В любом случае выраженное суждение оставалось между Мальзербом и цензором, часто было написано неформальным языком и могло быть довольно длинным. Напротив, апробация была официальным одобрением запроса на привилегию, которое часто печатали вместе с привилегией в тексте книги. Цензоры были склонны к более сдержанному и лаконичному стилю, когда писали апробации. Обычно их посылали вместе с суждением в особняк Мальзерба, где его служащие (ему хватало одних только секретаря и клерка или переписчика) руководили следующей стадией процесса⁵⁸. Они делали копию апробации для своего архива и готовили еще одну так называемую «ведомость», *feuille*, чтобы послать хранителю печати, который рано или поздно наделял ее всей силой закона, делая оттиск Большой печати (*grand sceau*), находившейся в его распоряжении, и выдавая привилегию вроде той, что цитировалась в начале этой главы. Хранитель печати возвращал заверенную апробацию (*feuille scellée*) директору, у которого во время аудиенции в четверг ее мог забрать книготорговец, а с 1777 года сам автор (эдикт о книготорговле от 30 августа 1777 года официально разрешал авторам получать привилегию от своего имени, что иногда случалось и до того, а также продавать отпечатанные экземпляры). Книготорговец должен был заплатить взнос в размере тридцати шести ливров и двенадцати су – довольно крупную сумму, приблизительно месячный заработок неквалифицированного рабочего. Затем *feuille scellée* и привилегию нужно было отнести на регистрацию в палату синдиков (*Chambre syndicale*) Парижского общества книгопродавцев и типографов. Как только чиновник гильдии копировал полный текст привилегии в реестр, книготорговец получал исключительное право на распространение книги в течение определенного периода, обычно не менее десяти лет. После этого он мог печатать рукопись, либо обратившись к мастеру-типографу из гильдии (печатью в Париже, в принципе, могли заниматься всего сорок мастеров), либо самостоятельно (если он, помимо своего официального положения как книготорговца, был признан мастером-типографом). Как только была готова черновая версия, цензор последний раз принимал участие в процессе. Он должен был проставить свои инициалы на каждой странице черновика, чтобы подтвердить, что печатный текст точно соотносится с той версией рукописи, которую он одобрил.

Система подразумевала столько тасовки и обращения бумаг, что открывала бесчисленные возможности для ошибок или жульничества, как в случае с Муи, пытавшимся втиснуть оскорбления своих врагов из Французской академии в незаверенный черновик, скрыв это от цензора. Но стандартная процедура показывает желание внести разумный порядок в сложный процесс надзора за текстами на пути от рукописи к печати. Заполнение бланков, нумеровка документов, отслеживание досье, копирование и регистрация, печати и согласование – не является ли все это симптомами полномасштабной бюрократизации? Не в полном, веберском,

⁵⁸ Это описание процесса цензуры опирается на замечания, раскиданные по переписке Мальзерба с цензорами. В особенности обратите внимание на письмо Мийе к Мальзербу (Feb. 28 and May 26, 1755) и Мийе к архиепископу Парижа (Dec. 9, 1755, ms. fr., 22138, nos. 137, 138, 139); неподписанное письмо к Мальзербу (March 24, 1753, ms. fr. 22137, no. 91); Рассико к Мальзербу (Dec. 24, 1750, ms. fr. 22139, no. 18); Симона к Мальзербу (Oct. 1, 1755, ms. fr. 22139, no. 135); Леблону к Мальзербу (Oct. 2, 1752, ms. fr. 22138, no. 37); Буссанеля к Мальзербу (Feb. 21, 1761, ms. fr. 22146, no. 43); Мальзерба к Бюре (June 22, 1762, ms. fr. 22150, no. 103); а также подборку *Rapports et Décisions* в: ms. fr. 22140, nos. 80–109. Описание формальной процедуры получения привилегии в 1781 году см.: Perrin, *Almanach de la librairie*.

смысле этого слова. Управление книготорговли можно описать как бюрократию без бюрократов. Она занимает промежуточную ступень в веберском процессе и таким образом характеризует попытки Старого режима вести дела более эффективно, не отказываясь от системы привилегий и протекций, пронизывающей барочное величие королевского двора.

Цензоры были вынуждены справляться с ограничениями и противоречиями этого барочного прообраза современной бюрократии, выполняя поток заданий, как могли. Мальзерб обычно раздавал работу согласно специальности цензора, которая значилась рядом с его именем в стандартных рубриках *Almanach royal*: теология, юриспруденция, натурфилософия, медицина и химия, хирургия, математика, литература, история и смежные области, обозначаемые как «прочее»: география, навигация, путешествия и архитектура. Объем работы мог существенно отличаться. Некоторые цензоры делали обзор лишь одной или двух рукописей в год, тогда как другие, кажется, были постоянно заняты, урывая все возможное время от основной работы. Такая нагрузка сказывалась на старательных работниках вроде аббата Бюре, церковного цензора, который в июле 1762 года чувствовал себя абсолютно разбитым. Прокорпнев много часов над книгой по философии и еще одной по теологии, он вынужден был просматривать перевод Святого Августина, а также труд о церковной администрации за тринадцать дней до начала своего отпуска. Он молил об отсрочке, чтобы увидеться с семьей в деревне и разобраться с делами своего прихода⁵⁹. Аббат де Лавиль жаловался, что он прочитал столько посредственных трактатов по истории, что, когда ему присылают рукопись, он уже не может сказать, не читал ли он ее раньше. По собственному признанию, аббат был способен только на «быстрый и поверхностный взгляд» на труды, громоздившиеся на его столе⁶⁰. С теологией, по словам аббата Фуше, все обстояло еще хуже. После тщательного сокращения и исправления трактата о душе он тяжело вздохнул и воскликнул: «Да здравствуют исторические книги и антологии!»⁶¹

Большинство цензоров, похоже, подходили к своей задаче серьезно и работали с усердием. Изучая трактат о торговле и курсе валют, один из них исправил орфографические ошибки и переделал большую часть расчетов⁶². Другие делали списки фактических ошибок, подправляли грамматику, отмечали стилистические неточности и особенно старались отмечать фразы, которые могли быть сочтены оскорбительными. Цензоры часто возражали против резкого тона, защищая идеалы умеренности и благопристойности (*bienséances*)⁶³. В таких случаях они вписывали возможные варианты улучшения текста. Один цензор даже потребовал заново переписать рукопись, оставив между строками больше пространства для исправлений⁶⁴. Столь внимательная цензура напоминает о старательности, с которой рецензенты сейчас подходят к оценке книг для издательств.

⁵⁹ Бюре к Мальзербу (July 9, 1762, ms. fr. 22150, no. 115).

⁶⁰ Аббат де Лавиль к Мальзербу (Aug. 8, 1756, ms. fr. 22138, no. 12): «На моем столе скопилось такое большое количество исторических и политических мемуаров, большинство из которых негодного качества по форме и содержанию, что неудивительно, что я могу уделить им только поверхностное внимание».

⁶¹ Foucher, Aug. 25, 1754, ms. fr. 22137, no. 97: «Я занят изучением довольно длинной работы о душе и происхождении ее знаний, направленной против господина Локка... Содержание кажется мне весьма достойным... но тем не менее я буду требовать множества исправлений и сокращений, что отяготит меня большим количеством тяжелой письменной работы. Да здравствуют исторические книги и антологии».

⁶² Simon, Aug. 30, 1752, ms. fr. 22139, no. 134.

⁶³ La Palme, без датировки, ms. fr. 22138, no. 11; Tercier, Feb. 1, 1751, ms. fr. 22139, no. 144; Barthélemy, без датировки, ms. fr. 22137, no. 8; Cahusac, без датировки, ms. fr. 22137, no. 45.

⁶⁴ Cotteret, Sept. 9, 1756, ms. fr. 22137, no. 57.

Feuille des Jugemens		Censeur M.M.	
au 24 ^{me}	1786	du 16	avril 1777
687.	<i>Du plus véritable bonheur avec une notice de l'ouvrage</i>	adhenet	P. G. à la Bibliothèque
867	<i>Reflexions sur la Tolerance de la Religion par M. l'abbé Lunel</i>	fouchev	P. G. à la Bibliothèque
893	<i>Recherches historiques et Géographiques de Sancy par M. J. Benoit Scherco</i>		P. G. à la Bibliothèque
940.	<i>Nouveau Style Criminel contenant une instruction sur la procédure par M. Dumont</i>	La Laure	P. G. à la Bibliothèque
947	<i>Almanach du commerce pour la Ville de Bordeaux</i>	Dhermilly	P. G. à la Bibliothèque
986.	<i>Nouvelle méthode pour apprendre la Langue Latine</i>	Soudier	P. G. à la Bibliothèque
1004.	<i>Abregé de l'art des accouchemens par M.^{ad} Ducoudray</i>	Sue	P. G. à la Bibliothèque

Рис. 4. Страница из ведомости суждений, *feuille des jugemens*, показывающая число цензурных писем, *billets de censure*, с суждениями, *jugemens*, названия книг, имена цензоров и решения, касающиеся типа разрешения (*привилегия*, *permission tacite* или *permission simple*), и срок его действия

Поскольку такой процесс требовал много усердия, заботы и ответственности, он связывал писателя и цензора крепкими узами, иногда доходившими почти до соавторства. Цензора

назначал главный директор книжной торговли, который часто консультировался с авторами и удовлетворял просьбы, которые ему присылали. Мальзерб знал всех известных писателей своего времени и иногда помогал их рукописям обойти опасности и препоны на пути к получению привилегии или молчаливого согласия. Самые знаменитые авторы встречали особое обращение, ведь почтительность к ним и использование собственного влияния были обычным делом среди людей света. Вольтер всегда добивался покровительства не только от Мальзерба, но от министров, генерал-лейтенанта полиции, влиятельных вельмож и любого, кто мог дать ход его произведениям – разумеется, легальным. Свои нелегальные труды он публиковал подпольно и под вымышленными именами или, еще лучше, под именами своих врагов⁶⁵. В ходе сложных взаимоотношений с Руссо Мальзерб практически сам руководил публикацией его основных трудов, особенно «Новой Элоизы» и «Эмиля». Менее известным, но тоже обладавшим хорошими связями писателям иногда удавалось получить одобрение для своего произведения у человека, который вообще не был цензором, потому что Мальзерб мог послать необычный *billet de censure* в особом случае. Когда влиятельный адвокат по имени Обер попросил поспособствовать выходу его юридического трактата, Мальзерб послал *billet de censure* самому Оберу и попросил его вписать имя цензора⁶⁶. Такого рода манипуляции нередко приводили к тому, что друг друга цензурировали друзья и коллеги. Фонтенель одобрил «Различные сочинения», *Oeuvres diverses*, Монкрифа, своего товарища-цензора и собрата по Французской академии⁶⁷. Другой цензор, Секус, просматривал юридическую антологию, составителем которой был и вовсе он сам⁶⁸. Иногда никому не известные писатели получали особое покровительство, очевидно потому, что Мальзербу показались убедительными их просьбы. Священник, написавший «Общий план общественного учреждения для юношества на попечении бургундского парламента», *Plan général d'institution publique pour la jeunesse du ressort du parlement de Bourgogne*, попросил выбрать для рассмотрения работы своего друга цензора Мишоля. Он подчеркнул, что не стоит опасаться фаворитизма, ведь Мишолю – «человек честный, искренний и в достаточной мере радеющий о славе литературы, чтобы закрыть глаза на то, что работа недостойна публикации. Я полностью доверяю его суждениям и внесу все исправления, которые он предложит, с уважением и послушанием, которых он заслуживает». Мальзерб согласился⁶⁹.

В принципе, авторы не должны были знать имена своих цензоров и, как правило, не знали их. Последние иногда настаивали на анонимности как условии работы. У Монкрифа было столько связей среди культурной элиты и сливок общества, что он не смог бы нормально работать, если бы его имя стало известно авторам доверенных ему рукописей⁷⁰. И все же случались утечки, к ужасу цензоров, в том числе Монкрифа⁷¹. Узнав, что один из его отрицатель-

⁶⁵ Примеры того, как Вольтер манипулировал легальной и нелегальной системой издания книг, см. в: René Pomeau, *Voltaire en son temps* (Oxford, 1995, new ed.), vol. 1, 799–800 и 810–11.

⁶⁶ Мальзерб к Оберу (18 March 1759, ms. fr. 22142, no. 17). Похожий случай произошел с выбором цензора для «Военно-исторической хронологии», *Chronologie historique militaire*, из представителей Военного министерства. По требованию маршала де Бель-Иля, Мальзерб послал *billet de censure* служащему из Министерства иностранных дел: Мальзерб к Бель-Илю (без даты, ms. 22143, no. 87). Профессор Страсбургского университета, написавший целую книгу об Эльзасе, просил Мальзерба доверить рукопись выходцу из Эльзаса, который понимал бы местную ситуацию. Мальзерб в ответ предоставил список цензоров из Эльзаса и предложил послать *billet de censure* одному из них по выбору автора: Мальзерб к Шёпфлину (April 6, 1761, ms. fr. 22142, no. 1).

⁶⁷ Fontenelle, Oct. 2, 1750, ms. fr. 22137, no. 85.

⁶⁸ Заметка на решении в *bureau de librairie*, озаглавленная «Работа 30 сентября» (Travail du 30 septembre 1754, ms. fr. 22140).

⁶⁹ Picardet, Aug. 2, 1763, ms. fr. 22148, no. 51. Пометка сверху письма гласила «Пошлите *billet de censure* господину Мишолю».

⁷⁰ Moncrif, без даты, ms. fr. 22138, no. 167.

⁷¹ Moncrif, без даты, ms. fr. 22143, no. 81. Монкриф жалуется, что аббат де ла Бом узнал, что он проверяет его «Христиаду», *La Christiade*: «Цензоры не могут свободно выражать свои суждения после того, как их имя становится известно автору. Господин аббат ла Бом написал мне, что его судьба в моих руках».

ных отзывов может быть показан автору, особенно трепетный цензор попросил вырезать свою подпись с нижнего края страницы⁷². Даже положительная оценка могла вызвать проблемы, ведь, когда имя цензора появлялось вместе с апробацией и привилегией в тексте книги, он казался единомышленником автора и мог навлечь на себя гнев его врагов. Литературный цензор умолял Мальзерб дать лишь молчаливое дозволение, *permission tacite*, вполне пристойной работе, критиковавшей Вольтера, потому что боялся, что станет мишенью для поклонников писателя, если его имя будет напечатано вместе с апробацией⁷³. Вольтер и Д'Аламбер требовали смотреть сквозь пальцы на собственные произведения, но пытались заставить Мальзерб помешать публикации книг врагов, однако он отказался. Мальзерб из принципа поощрял свободу полемики⁷⁴, но его цензоры часто были вынуждены сталкиваться с противоборством разных лагерей. Типичный случай произошел с одобрением книги «Курс химии», *Cours de chimie*, доктора по имени Барон, в которой критиковались антиньютоновские высказывания из анонимной брошюры. К сожалению, автором брошюры оказался Жан-Баптист Сенак, королевский врач, бывший очень влиятельной фигурой в мире медицины. В гневном письме Мальзербу Сенак требовал наказать цензора, который, по его словам, был «так же виновен, как и автор». Мальзерб ответил, что и книга, и апробация касались только идей, а не личностей, более того, цензор не знал, что автором анонимной брошюры является Сенак. Но, узнав о гневе королевского врача, Барон запаниковал. Он написал Мальзербу отчаянное письмо, надеясь опередить реакцию Версаля. Доктор заявлял, что его книга имеет дело лишь с научными теориями. Разве свободный обмен мнениями не является основным правом любого в «Республике словесности»? И более того, «разве я враг самому себе, чтобы злоупотребить протекцией, которой вы наградили меня, и по столь незначительному поводу оскорбить личного врача короля?». Эта история так ни к чему и не привела, но она показывает противоречия в самом сердце литературного мира при Старом режиме: с одной стороны – уважение к идеалам свободной и открытой «Республики писем», с другой – реальная ситуация, в которой играли свою роль власть и покровительство. Цензоры, как и авторы, должны были действовать в сфере, где эти противоречия проявлялись постоянно⁷⁵.

⁷² Déparcieux, Nov. 29, 1753, ms. fr. 22152, no. 109.

⁷³ Millet, July 16, 1756, ms. fr. 22138, no. 144.

⁷⁴ В своих *Mémoires sur la librairie* Мальзерб объясняет, что, управляя цензурой, он руководствовался преданностью свободному обмену идеями, если только они не оскорбляли церковь, корону, мораль или конкретных людей. См.: Second mémoire // *Mémoires sur la librairie*, особенно: pp. 83–90.

⁷⁵ Сенак к Мальзербу (без даты, ms. fr. 22143, no. 36); Барон к Мальзербу (Dec. 31, 1755, ms. fr. 22143, no. 35).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.